

Гражданская позиция личности как фактор формирования гражданского общества

Герман ДИЛИГЕНСКИЙ, директор Центра сравнительных социально–политических исследований

К названной теме можно подходить с позиции идеальной и позиций реальных. С позиции идеальной, наверное, надо было бы рассказать о должном, т.е. какова должна быть личность для того, чтобы было гражданское общество. Это тяжело и, наверное, довольно скучно, ответ на этот вопрос можно сформулировать предельно кратко. Поэтому я сосредоточусь, скорее, на том, что действительно происходит с личностью в условиях постсоветских общественных отношений. Заранее, конечно, должен оговориться, что то, что я изложу, наверное, один из многих возможных подходов к этой проблеме, поскольку сама личность очень многоуровневый сложный феномен.

Несколько слов о фактической базе данного сообщения. Она состоит, во–первых, из довольно многочисленных данных социологических опросов. Мне было доступно много этих данных, по крайней мере, из банка данных двух больших институтов – Фонда "Общественное мнение" и ВЦИОМа. Во–вторых, я использовал данные небольшого собственного исследования. Оно, действительно, очень небольшое, очень камерное, так называемые углубленные интервью всего–навсего с 20 людьми – москвичами и саратовцами, – правда, людьми очень разными: разного возраста, социального положения, профессий и т.д.

Почему я счел нужным провести эти интервью (с помощью, кстати, специалистов из ВЦИОМа)? Потому что массовые опросы при всей их репрезентативности, позволяющей подсчитать, сколько процентов думает так, а сколько процентов думает противоположным образом, представляют собой очень относительное, очень условное отражение ментальностей реальных людей. Когда же просто говоришь с живым человеком и даешь ему высказаться, вся цепь его логики и ассоциаций часто гораздо глубже и точнее раскрывает то, что происходит в этих ментальностях. Вот коротко то, что лежит в основе того, о чем я буду рассказывать.

О значении самой темы, я думаю, действительно, распространяться особенно долго не надо. Гражданское общество есть некая идеальная модель, в совершенном виде оно, наверное, нигде не существует. С точки зрения этой идеальной модели общества строится некая идеальная модель личности, которая этому обществу соответствует, является его действующим субъектом, его актором, как сейчас говорят. Такую личность должен характеризовать, с одной стороны, достаточно высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к обществу вообще, к его институтам и государственной власти в особенности. Многие авторы определяют такую личность как самоценную и самодостаточную.

С другой стороны, данному типу личности должна быть присуща способность социального взаимодействия, т.е. конструктивного взаимодействия с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, идей и определенная степень гражданской ответственности, т.е. способности подчинять свои частные интересы, способы их достижения общему благу, которое выражено в правовых нормах, т.е. уважение к закону. Это вообще–то абсолютно банальные истины можно принять в качестве отправной точки для дальнейших размышлений.

Теперь, что, с точки зрения этого идеала, происходит в нашем обществе? Меня будет интересовать, собственно, одна проблема, которая кажется мне ключевой для характеристики личности, тем более в ракурсе, который нас сейчас интересует. Каковы психологические связи между человеком и социумом, обществом? Какова структура, каков механизм этих связей, каково их содержание?

Естественно, коль скоро мы говорим о наших соотечественниках, современниках, большая часть которых – это люди, выросшие в условиях советского строя, значит, наверное, разговор надо начинать с того, что унаследовано от тех отношений, которые совсем еще недавно господствовали в нашей стране. Наиболее общее, официальное, легитимное понятие, которое выражало в тот период нормы отношений между человеком и обществом, – это "коллективизм". Я думаю, что, на самом деле, если взять советскую историю за все 70 лет, то значение и реальный смысл коллективизма были не одинаковы в разные периоды.

В годы строительства социализма, примерно до войны и в первые послевоенные годы, вероятно, коллективистские ценности были чем–то в общем вполне реальным, т.е. это был реальный феномен массовой психологии. Не всей массы населения, но какой–то ее значительной части. В то время

коллективизм питала вера в коммунистическую утопию, в пафос строительства новой жизни и атмосфера мобилизационного общества.

В послевоенные десятилетия произошел радикальный перелом. Коллективизм потерял значение, которое он имел до того. Произошло это в силу, я думаю, двух групп процессов, в первой из которых ничего специфически советского, социалистического не было.

Я имею в виду глобальный процесс индивидуализации, который шел и идет сегодня всюду, где происходят в широких масштабах переход к индустриальному обществу и урбанизация. Эти процессы ведут к распаду традиционных социальных групп, и они разрушают социально–психологическую базу в наших условиях коллективистских, в других условиях коммунарских (по западной терминологии) типов культуры и поведения. Разрушаются устойчивые межличностные связи внутри традиционных локальных и профессиональных социальных групп или сред. И это происходило и у нас.

Это великолепно освещено во многих произведениях советской литературы, скажем, в квадрологии Абрамова "Братья и сестры". Там речь идет о северной деревне. В первых трех томах мы видим коллективистский социум, а в четвертом томе, в котором действие происходит уже где–то в 60–е годы, – полный его распад. Глубочайший образ советского коллективизма рисуют романы Платонова.

Другая группа процессов связана с эволюцией собственно советского общества. Это как бы распад утопии, распад веры в утопию.

Коммунизм в 60–е–70–е годы уже не мечта, а предмет для анекдотов.

С переходом к обществу застойному, со всеми его психологическими последствиями, коллективизм все равно оставался официальной нормой, официальной ценностью. Но в этот период он, как и многие другие официальные ценности, носит в основном демонстративный характер, т.е. советский человек должен был демонстрировать свою коллективистскую ориентацию прежде всего в тех ситуациях, когда он находился под институциональным контролем. Он уже не переживает ее как свою личностную ценность. Коллективизм теряет свою мобилизационно–мотивирующую силу, какой он обладал в героические времена социалистического строительства, но он продолжает оставаться культурной характеристикой общества, поскольку он продолжает регулировать отношения людей в рамках формальных организаций, будь то промышленное предприятие, его цех, первичная парторганизация, колхоз или государственное учреждение.

Функция коллективизма в этих отношениях состоит в обеспечении социального контроля и взаимной цензуры, что вполне соответствует бюрократическому принципу организации экономической и социальной жизни. Статус каждого индивида в этой организации гарантируется равно демонстрируемым подчинением всех и каждого бюрократической власти и формальным или неформальным правилам, установленным или санкционированным этой властью. То есть, грубо говоря, человек является коллективистом, постольку поскольку он подчиняется нормам, предписанным коллективу существующей системой, правилам игры.

Этот коллективизм предусматривал недопустимость какого–то индивидуального выделения из массы. Известная прибаутка "инициатива наказуема" отражает эту ситуацию.

Живучесть коллективизма в качестве признаваемой людьми нормы еще была связана с тем, что в общем коллективистское поведение было как бы метафорой для выражения государственно–патерналистских отношений. Господствующими отношениями между государством и обществом были отношения государственного патернализма, т.е. государство–отец берет на себя обязанности скромно кормить, одевать граждан и обеспечивать определенную стабильность, определенную социальную защиту. Это как раз та особенность советского общества, с которой человеку современному, постсоветскому труднее всего расстаться. Ему крайне трудно избавиться от ожидания помощи от государства, ожидания того, что вообще все проблемы, которые в жизни есть, именно государство должно решить и урегулировать. Я вспоминаю свою беседу с пожилой москвичкой после отпуска цен Гайдаром в 1992 году, она возмущалась, почему повышают все время цены. Ей говорят: "Цены не повышают, они сами растут рынок". "А почему же государство это допускает?" – "Государство здесь ни причем". Тогда она говорит: "А зачем вообще нужно государство, если цены растут?".

Это очень прочная психология. В одном из недавних опросов на вопрос: "Смогут ли большинство россиян прожить без постоянной опеки и помощи со стороны государства?" 72 процента ответили: "Нет, не смогут!". Так вот, как раз коллектив и был первичной ячейкой, через которую

осуществлялась эта государственно–патерналистская опека. Как отмечается в одном из социологических трудов, "коллектив в наших условиях – это горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями".

Такие функции коллективизм выполнял, но он уже не мог выполнять функции ориентации всего поведения. Единственная стратегия личности, которая оказывалась возможной в этих условиях – стратегия индивидуалистическая, или, если угодно, сугубо индивидуального приспособления к условиям системы. Я думаю, что ту позицию личности, которая была преобладающей в позднесоветское время, можно определить понятием "адаптационный индивидуализм". В определенном смысле, этот адаптационный индивидуализм более неограничен, тотален, чем тот, который взращен индивидуалистическими обществами Запада, поскольку на Западе, в разных странах по–разному, но всюду существует определенная культура ассоциаций, ценности и практика социальной солидарности. Люди способны в соответствии с нормами этой культуры объединяться для того, чтобы самостоятельно в рамках этих объединений действовать во имя каких–то целей, – то ли защиты каких–то материальных интересов, то ли высших ценностей – религиозных, духовных.

В Советском Союзе действовал запрет на любую социальную самостоятельность, даже коллективные жалобы были запрещены. Если ты недоволен, жалуйся, но индивидуально. Попытки же какого–то коллективного выступления за свои интересы приводили к тому, что, как известно, произошло в Новочеркасске. Слово "коллективизм" первоначально ассоциировалось с рабочим движением, со способностью рабочих к коллективной борьбе за свои интересы. В советском обществе такого просто не могло быть. Вынужденный адаптационный индивидуализм не уравновешивался никакой социальностью, поэтому он и был более неограниченным.

Я прошу правильно меня понять, не надо путать индивидуализм с эгоизмом, на что указывал еще Карл Поппер. Вообще–то русский человек характерологически менее эгоистичен, чем многие люди на Западе. Мы знаем насколько он участлив, как он без раздумья бросается на помощь, когда возникает экстремальная ситуация. Индивидуализм – это нечто другое, это жизненная стратегия – человек решает вопрос: будет ли он свою жизнь делать и осуществлять свои цели один, в одиночку или вместе с кем–то, вместе не просто с какими–то близкими людьми, друзьями, членами семьи и т.д., а с какой–то социальной группой, опираясь на ее поддержку, на ее сочувствие и т.д.?

Вот такого коллективизма практически у нас не было. В то же время этот адаптационный индивидуализм, в отличие от западного индивидуализма, очень осторожный, очень боязливый. Он исключает такую индивидуальную инициативу, которая могла бы привести к изменениям социальной действительности. Он целиком ориентирован на поиск оптимальной ниши в системе статусов, которая официально поддерживаются государством. Самая большая степень индивидуальной инициативности – поиск какой–то поры, дыры в этой системе (например, в теневой экономике).

Я должен сказать, что в ходе интервью, о которых я говорил, мы встречали людей, вполне сохранивших эту психологическую ориентацию. Например, беседовали мы с московским инженером лет 40. Когда его спрашивали, какие ценности он вообще считает наиболее важными, он ставит на первое место общественные интересы: "Бескорыстные интересы должны преобладать над материальными и частными". Далее задается другая серия вопросов, которая отличается от предыдущей только одним акцентом: "Что для вас лично важнее?". И тут он на первое место, не смущаясь, ставит собственный материальный интерес, а интересы других людей, общества на последнее место.

Это пример двоемыслия, но не сознательного, когда человек сознательно кого–то хочет обмануть, нет, он в обоих случаях вполне искренен. Просто официальные нормы усваиваются в качестве собственных убеждений человека, и они скрывают его индивидуализм не только от других, но и от него самого. В сущности, это вынужденный индивидуализм социально слабого человека.

Советский человек, действительно, коллективист, поскольку нуждается в помощи и поддержке коллективного социума, в конечном счете, государства, но он индивидуалист по отношению к этому социуму. И для нашего инженера как раз провозглашение приоритета общих интересов в сущности есть гарантия соблюдения интересов своих собственных. С точки зрения психоаналитической психологии, можно сказать, что это инфантильный индивидуализм, т.е. как бы ребенок ждет помощи от взрослых, но еще не в состоянии разделять их заботы. Это есть социальная слабость. Индивид в этом обществе крайне слаб, у него нет масштабных социальных связей, на которые он может опираться.

Это то, что можно сказать о советском индивидуализме, о советской личности. Повторяю, что это один из многих возможных подходов или параметров.

Что происходит после развала социалистической системы – экономической, политической? Основные вещи ясны, о них говорить много не надо. Крайняя нестабильность, отсутствие гарантий материального и социального статуса, исчезает обеспеченная занятость.

Относительная стабильность уровня жизни, сбережений, дешевые или бесплатные социальные услуги – все это рушится, рушится государственно–патерналистская система, в условиях которой советский человек привык жить.

А что на этом месте возникает? А возникает, как говорили наши родители, "отсутствие всякого присутствия". Возникает отсутствие новых правил экономической и социальной жизни. Вообще человек без правил жить не может. Макс Вебер, когда он писал о социальных нормах, ценностях, доказывал, что даже карточный шулер или вор все равно живет своим ремеслом потому, что есть социальные правила. А тут нет правил, а если они есть, то неизвестно какие они.

Российские реформаторы – как бы ни относиться к тому, что они практически делали, – не имели ни желания, ни способности разъяснять людям свою политику, избранный путь, новые принципы, призванные определять отныне их социальное поведение. Практически никакого диалога с обществом по этим проблемам не велось ни в каких формах – ни в масс–медиа, ни путем непосредственного просвещения. Правда, было одно нормативное представление о новом социально–экономическом порядке, которое распространялось довольно интенсивно. Это принцип межличностной конкуренции как основы отношений между людьми и индивидуальной предприимчивости как наиболее одобряемого качества личности. Я очень хорошо помню, как Гавриил Харитонович Попов, который в то время еще был не социал–демократом, а крутым либералом, писал, что единственный способ для рабочего улучшить свое положение – пробиться в ряды предпринимателей. Вот такие установки.

А вот факт, который мы обнаружили в ходе наших интервью. Люди испытывают зияющий дефицит социальной информации. Я просто процитирую несколько высказываний наших респондентов: "Сейчас практически никто ничего не понимает, люди недостаточно информированы". Один студент говорит: "Я не могу пользоваться никакой информацией, вся информация неизвестно какая, а самому ничего не выяснить". Странная вещь: ведь, в общем–то, информационные потоки в наше время гораздо более изобильны, разнородны, чем это было 15 лет назад. А люди не удовлетворены.

Дело здесь в том, что у россиян нет осмысленной информации, позволяющей понять, что происходит в стране, ориентироваться в затрагивающих каждого процессах экономической и общественной жизни. Проще говоря, нет знаний как основы любой мало–мальски упорядоченной психологии, упорядоченных позиций личности по отношению к обществу. Нет знаний, поэтому исключено формирование новой культуры, способной заменить распадающуюся патерналистско–коллективистскую культуру. Общество не имеет ценностей и норм, которые могли быть положены в ее основу.

Что в этих условиях человеку остается? Нет социальных правил, нет правил игры. И это все подтверждается повседневной социальной практикой: хаос, беззаконие, коррупция – все это известно. Если не известно по личному опыту, то очень широко преподносится теми же самыми СМИ. Остается единственное правило – принцип индивидуального выживания и успеха. Если уже в советское время сложились условия для индивидуалистической стратегии, то в постсоветское время эти условия расширяются.

Но в то же время создаются условия для различных форм этой индивидуалистической стратегии. Во–первых, в принципе существует, с одной стороны, возможности индивидуального успеха, личностной самореализации, каких не было раньше. Конечно, этими возможностями может воспользоваться лишь меньшинство. Но теоретически они есть, и люди это чувствуют. Наши респонденты, материально малообеспеченные и жалующиеся на жизнь, говорили: "Нашим детям будет лучше, потому что они научатся как по–новому жить". Ощущение, что какие–то новые возможности возникли, есть в массовом сознании. Но, конечно, для основной массы этот переход означал деградацию экономического и социального положения. И не важно, что предпосылки этой деградации были заложены структурами советской экономики, но люди–то переживают это актуально уже в постсоветский период.

Мы выделяем три (это условно, как и всякая классификация) основных типа психологических и поведенческих реакций индивидов на постсоветскую ситуацию. Наиболее массовидную реакцию отличает пассивность и выжидательность (аттантизм). Люди, которые этой стратегии придерживаются, чаще всего склонны к психологической установке на терпение, что вообще характерно для традиционной русской ментальности. Им присуще состояние тревожности,

безнадежности или наличие смутных надежд на какие-то объективные положительные изменения в будущем. Часто это сочетается с ностальгией по прошлому, глубоко укорененным государственно-патерналистским синдромом и чувством социальной беспомощности.

Можно, в общем, примерно определить, кто живет именно так и чувствует себя именно так. Это большинство, но имеющее определенные социальные характеристики. Это, конечно, люди старших возрастов, бюджетники, люди, связанные с отраслями и профессиями, которые оказались в наиболее тяжелом положении в постсоветский период.

Пассивность эта очень заметна. Недавний опрос, проведенный Институтом социологии, показал, что из тех, кто недоволен своим положением, только четверть или меньше прибегает к каким-то активным действиям. Чаще всего это дополнительные заработки – вторая, третья работа. Но из них 70 процентов – это люди, которые имеют вторичную занятость случайную, спорадическую. Это никак не стабилизирует их положение, не улучшает его радикально.

Второй тип реакции – более активная адаптация. Ее наиболее характерные признаки – энергичный поиск возможностей выживания или даже успеха в новых социально-экономических условиях. Это люди, которые переменили профессию, которые стараются перейти в частный сектор экономики с относительно высокой зарплатой или просто выполняют дополнительную работу, более доходную, на основе теневой занятости. Один из характерных примеров – челноки.

Один из тех 20 человек, с которыми мы беседовали, дипломированный инженер, ему 29 лет. Окончив вуз, он сменил уже несколько профессий. В момент интервью он работал маляром в небольшой частной мебельной фирме. Другой, его ровесник – слесарь по ремонту автомобилей, он официально работает на крупном муниципальном предприятии, но извлекает основную часть своих доходов из левых заработков. Одна молодая женщина, 28 лет, закончила Библиотечный институт, потом работала в фирме по торговле недвижимостью, потом стала менеджером предприятия по оптовой торговле морожеными продуктами и в настоящее время изучает еще две профессии – дизайнера и психотерапевта, чтобы иметь возможность потом сделать новый выбор. Причем, из этих трех человек двое последних – автослесарь и менеджер – очень оптимистично настроены и вполне удовлетворены своей судьбой.

И, наконец, есть третий тип – ориентация на максимальный индивидуальный экономический и социальный успех. Это не только те, кого мы имеем в виду под "новыми русскими", это также люди, служащие, делающие карьеру в штабах крупных фирм, в бюрократическом аппарате, в прессе, в публичной политике. Эта ориентация очень распространена среди студенческой молодежи, многие там надеются на большой успех в своей будущей профессиональной жизни.

Но общий-то какой знаменатель из всего этого? Общий знаменатель тот, что индивидуализм в обществе усиливается, хотя большинство людей продолжают надеяться и ждать, что все-таки государство как-то поможет. Но эта надежда постепенно все больше и больше под влиянием опыта исчезает.

Сравнивая разные типы современного индивидуализма, мы обнаруживаем индивидуализм уже не адаптационный, а совершенно другой. Обнаруживаем мы его, главным образом, среди младших поколений, людей где-то в возрасте 30 лет, "детей перестройки", людей, которые мало или вовсе не имели советского взрослого опыта. И это индивидуализм очень глубинный, это уже как бы профилирующая основа психологии личности.

Существует тип молодого россиянина, которого отличает весьма высокий уровень автономии по отношению к обществу, к социуму, социальным институтам. В отличие от советского индивидуалиста, он не апеллирует к обществу и его правилам, он вынужден, конечно, считаться с ними, но он противопоставляет им свои собственные правила, и у него нет никаких глубоких эмоционально-насыщенных социальных связей за пределами семьи и круга друзей. Все социальное, институциональное, то, что психологи называют "обобщенный другой": не конкретный человек, с которым он связан личными отношениями, а вообще другие люди – все это представляется ему внешней средой, индифферентной, а то и враждебной.

Я приведу несколько цитат из интервью: "Моя конечная цель – независимость, мои личные интересы превыше всего, я соблюдаю внешние приличия, чтобы откровенно не выпадать внешне" (рабочий-маляр). Продавщица московского частного магазина, 24 года, мать-одиночка говорит: "Мы привыкли, что всегда надеемся на правительство, что оно нам все подаст на блюдечке. Наверное, пора прекратить особенно рассчитывать и надо самим действовать". Слесарь, 28 лет: "Самое важное право человека – свобода, остальное все так. Самое основное – познать себя, зачем я здесь. Практически каждый человек старается только ради себя". У него спрашивают: "Какие

обязанности гражданина?". "Нет никаких", – он отвечает. Менеджер, женщина, я тоже о ней упоминал: "Я не очень общественный человек, я больше верю в себя, верю в индивидуальность, и для меня это нормально. Главные ценности – ощущение свободы и уверенность, ощущение себя, вера в себя, можно рассчитывать только на свои силы и как-то глупо рассчитывать на государство".

Этот новый индивидуализм, в отличие от советского или унаследованного, нормативный, поскольку он уже превращается в осознанную норму поведения. Правда, этим словом его никто не называет. Индивидуализм в российском современном языке – это все-таки плохое слово, это – эгоизм. Говорят о свободе, свобода – это ценность, которая осознана, особенно младшим поколением. Но это свобода специфическая. Это свобода, о которой очень много говорили еще русские философы эмигрантской волны, рассуждая об особенностях именно русского национального характера.

Тут возникает проблема соотношения между свободой и волей. Федотов – один из крупнейших наших философов середины XX века – писал так: "Воля есть, прежде всего, возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняет и равный, стесняет и мир, воля всегда для себя. Разбойник – это идеал московской воли". Удивительно видеть, что этот архетип, который Федотов возводит еще к Московскому княжеству, оживает в наши дни, что пробуждает его современная действительность.

И как раз этот слесарь, о котором я уже упоминал, – человек, который очень заинтересован в этой абсолютной, полной свободе. Потому что у него заработки левые, он ремонтирует частные автомобили, проконтролировать его никто не может в общем-то, никто на него не наедет – ни милиция, ни рэкетиры. "Да, – говорит он, – прекрасное время, беспорядок – это очень хорошо, это как раз то, что нужно для того, чтобы можно было жить по своей воле и свободе".

Что же это за индивидуализм, помимо того, что он нормативный? Он имеет еще одну характеристику: его можно назвать "последовательно асоциальным индивидуализмом". Этим он отличается, по-видимому, от западного индивидуализма. Я говорю, конечно, о типичной ситуации, потому что всякое есть на Западе, как и у нас. Ситуации, при которой индивидуализм поведенческий, индивидуализм в бизнесе уравнивается уважением к разным социальным институтам и их проявлениям – к законам, нормам жизни, принятым в данной социальной среде. А у многих, особенно в современных условиях, – также способностью к солидаристским отношениям, ассоциативной культурой, о которой я говорил.

В нашем нормативном асоциальном индивидуализме этого нет. Взаимодействие индивидуалистических и социальных тенденций личности строится таким образом, что социальные тенденции ограничиваются крайней узостью взаимных социально-психологических связей людей, т.е. таких связей, которые предполагают взаимную поддержку и доверие, которые образуют то, что называется социальным капиталом индивида.

В октябре 1997 года, отвечая на вопрос: "О каких людях вы могли бы сказать – со многими из них у меня общие интересы, среди них есть близкие мне по духу?", 64 процента назвали друзей и знакомых, 34 процента назвали соседей, 33 процента – коллег по работе, 18 процентов – людей своей профессии, 16 процентов – жителей своего города и села. То есть подавляющее большинство не чувствует никакой близости с людьми, кроме тех, кто является близкими знакомыми, друзьями или родственниками. И это феномен не чисто российский. Это тоже очень интересно. Мне приходилось смотреть и сопоставительные работы по другим постсоциалистическим странам, странам Центральной Европы: в Словакии, Венгрии и т.д. – такая же картина. А среди жителей западных стран гораздо больше людей, которые чувствуют свою близость к более широким кругам, к местным сообществам, людям своей социальной среды, своей нации и т.д.

Нельзя не видеть связи таких явлений с состоянием институтов, в широком смысле этого слова, современной России. Основа институтов – это всегда правила жизни, это нормы, это ценности. Есть и прямое, и обратное влияние асоциального индивидуализма на состояние институтов, прежде всего, институтов власти. Ведь, когда мы говорим о социальном поведении рядового индивида, мы не должны и не можем не видеть, что асоциальное поведение характерно для тех групп, для которых функционально это должно было бы быть невозможно. Я имею в виду политические и экономические элиты. Получилось так, что значительная часть (а возможно, и большинство) политических лидеров, депутатов, чиновников, региональных администраторов, директоров предприятий, крупных предпринимателей проявляют психологическую неспособность представлять и защищать социальные интересы общества в целом или тех или иных слоев населения даже в той минимальной мере, которая необходима для нормального функционирования соответствующих институтов.

Я не хочу сказать, что в любой западной или в какой-то другой стране политик лишен эгоизма, индивидуализма, эгоистических целей.

Но есть определенные ограничения, и люди понимают или чувствуют, что, перейдя эти границы, они просто перестанут быть тем, чем они являются, они не будут ни политиками, ни руководителями.

У нас этого нет. И в элитных слоях не существует способности объединяться в ассоциации более широкие, чем неформальные команды или мафии, основанные на личных связях. Подчас создается впечатление, что единственный мотив многих представителей элитных слоев – необузданная жажда денег и власти, которыми они хотят овладеть здесь и сейчас, действуя часто иррационально, вопреки своим собственным долгосрочным интересам. Примеров в окружающей действительности очень много.

Отсюда масштабы коррупции, этим объясняется, в значительной мере, иллюзорность и неосновательность большинства российских партий, которые никак не могут выступить в роли лидеров массовых социальных групп, поскольку им эти группы, по сути дела, глубоко безразличны.

Для российского общества характерна поразительная неспособность большинства к объединению во имя решения своих общих проблем. Создается впечатление, что общество живет по известной песне Окуджавы: "Надо б лампочку повесить, денег все не соберем".

Вот социологические данные. Спрашивают людей: как бы они реагировали на противоречащие их интересам действия местных властей, и дается целый ряд возможных вариантов поведения. Так вот, большинство отвергло все названные в анкете способы коллективных действий, только 13–16 процентов выразили готовность организовать группу заинтересованных лиц, чтобы как-то решить эту проблему.

Недавно проводился особый опрос по жилищной реформе, и просто предлагалось респондентам ответить, считают ли они возможным, чтобы жильцы дома объединились и наняли такого управдома, который будет под их контролем, будет работать в их интересах. Процентом семь сказали, что это было бы хорошо, остальные – нет: "Это невозможно, просто мы не сможем объединиться". Другие говорят: "Нет людей, которые бы возглавили, нет лидеров в нашем доме". Короче говоря, приводятся любые причины, но коллективные действия не получаются.

В результате постсоветский человек, даже если он способен мобилизовать свой индивидуальный потенциал и дорожит своей свободой, остается беззащитным перед лицом власти бюрократии, крупного капитала и криминальных групп. Здесь действуют мощные объективные факторы, но есть и психологический фактор – это асоциальный индивидуализм. И поразительно то, что даже некоторые молодые респонденты, выразив убеждение в том, что индивидуальная свобода – это самое главное, несколькими минутами позже высказались за замену демократического хаоса авторитарным порядком. Асоциальный индивидуализм – это одиночество индивида, а общество одиноких, разобщенных людей – питательная среда для авторитаризма в политике.

И еще одна последняя тема, которую я хочу затронуть, – отношение россиян к закону. Здесь тоже современность близка русским архетипам и традициям. Все безумно недовольно беспорядком и беззаконием, хаосом, который существует сегодня в стране. Все говорят: восстановление порядка, восстановление законности – это самое первое требование, оно стоит во всех опросах даже выше, чем чисто материальные требования. Но при этом человек не рассматривает законный порядок как свое собственное дело. Закон – вещь, несомненно, необходимая, но ниспосланная свыше, внешняя по отношению к индивиду, не усвоенная, не "овнутренняя" им в качестве личной нормы. И закон выполняется, скорее, по принуждению, чем по доброй воле, т.е. как внутренний моральный императив.

В 1995 году 40 процентов опрошенных соглашались с мнением – допустимо обходить закон, не нарушая его напрямую. Это большинство. 30 процентов не согласны с этим. И вот из нашего интервью. Наш собеседник 50-летний саратовский квалифицированный рабочий, великолепный мастер, работал и продолжает работать в ВПК, очень культурный, много читающий, все информационные программы телевидения смотрит, читает три газеты. Что называется интеллигентный рабочий. Спрашиваем его: "Как относиться к закону?". Он цитирует своего отца: "Закон, как столб, на него не поперешь, обойти можно" и дальше: "Я должен соблюдать закон, я должен требовать от государства, чтобы оно мне гарантировало то, что положено по закону". Но усиливать роль закона в нашей жизни, по его мнению, "не надо, нельзя. Если закон усилить, дальше уже идет диктатура, если его от А до Я соблюдать", т.е. власть закона отождествляется с диктатурой.

Среди наиболее обеспеченных, работающих и живущих на свой страх и риск молодых людей приходилось встречать такое мнение, что "нам западный образ жизни не подходит". "А почему не подходит?" – "Потому что там все очень упорядочено". "Немцы, – один говорит, – работают от часа до часа, а нам так не подходит. Американцы – то нельзя, это нельзя – тоже нам не подходит". Такая тенденция тоже есть, она нашим первобытным капитализмом, очевидно, поощряется. Все это, конечно же, идет в прямо противоположном направлении от процесса формирования личности, способной быть субъектом гражданского общества.

Но картина не выглядит абсолютно, как мне кажется, черной, однозначно негативной. Современная российская действительность порождает – пусть в рамках не особенно заметных социальных меньшинств – и совершенно другие тенденции.

Мы проводили специальный сравнительный опрос среди относительно молодых людей, работающих на хороших местах. Это не предприниматели, это – менеджеры, служащие хороших, солидных легитимных фирм, правда, это все было до августовского кризиса, я не знаю, как они сейчас выглядят, но тогда было так. Они, без сомнения, индивидуалисты, но у них уже есть четкое ощущение социальной ответственности, в том числе социальной ответственности людей богатых, какими они являются на общем фоне. Они говорят: "Да, надо помогать бедным, мы готовы жертвовать". Этим они отличаются от остальных, которые говорят, что всем должно помогать государство или что вообще никто никому не должен помогать, пусть каждый сражается в одиночку. Тут появляются элементы того, что можно назвать социальным либерализмом, т.е. индивидуализм в сочетании с какой-то социальной ответственностью, пониманием необходимости социальной взаимопомощи, социальной защиты.

Есть у нас, конечно, меньшинства, которые уже в полной мере являются субъектами гражданского общества. Например, правозащитники, участники других гражданских движений, работники так называемого третьего сектора. В общем – то в истории все хорошее и новое делалось сначала активным меньшинством.

Теперь, действительно, уже самое последнее. Хотел бы сказать о роли средств массовой информации в гражданском просвещении. Мне кажется, что это очень большая проблема. Всем понятно, что телевидение и вообще основная масса СМИ не может не быть коммерческой в наше время, в нашей ситуации. Но общество испытывает колоссальную потребность в просвещении, в том самом просвещении, о котором в свое время говорилось, что оно ничего не решает. Это неверно. Оно одно ничего не решает, но без него, думаю, в современном обществе невозможно развитие сознательной социальной активности.

Есть масса вещей, о которых мы говорим в своем кругу научных работников, журналистов, преподавателей, – гражданское общество, рынок и т.д., ведь это то, к чему мы, вроде, должны идти. Идем, с трудом, поворотами, отступлениями, но надо же все – таки на понятном языке, систематично и логично объяснить людям, почему это хорошо, как к этому можно идти, пускай это будет в форме дискуссии, потому что единого мнения нет, но каждая точка зрения должна быть разъяснена. Сейчас этого нет.

Я думаю, что тут колоссальная работа для масс – медиа в первую очередь. Как сделать так, чтобы масс – медиа несли социальную ответственность и какие тут механизмы нужно применить: какую – то государственную программу, общественную программу, мобилизацию каких – то средств, это – отдельный вопрос, которым надо заниматься.